

Nelly Bekus-Goncharova

О смысле одежды на публичной территории. Белорусская специфика.

Истина – далеко не самая подходящая вещь для жизни в обществе, прекрасный облик значит здесь намного больше, почти как в живописи....

И. Кант

Этот текст посвящен одежде как специфической социальной функции в жизни человека. В самой природе одежды есть что-то от буфера, ее знаково-визуальная составляющая оказывает тормозящее и смягчающее действие в отношениях с окружением. Вот и в поговорках, вроде той, где "по одежке встречают?", отражается эта ее сущность, что состоит в создании особого пространства для коммуникационных маневров. За ней, одеждой, можно укрыться посреди толпы, а можно, наоборот, одевшись, полностью разоблачиться, оказаться в центре внимания.

Несмотря на эту очевидную социальную функциональность одежды, нельзя сказать, что общество полностью определяет форму или стиль того, что люди носят. Хотя и совсем свободным от макроконтроля в этой области человека не назовешь. Здесь существует некий "конвенциональный зазор?", который позволяет превратить отношения двух сторон во взаимное действие. В этом зазоре отливается и формуется своеобразный руководящий принцип, который и определяет индивидуальное "одежное поведение" человека в социальной среде. Принцип этот – производная многих составляющих: здесь и культура с национальной традицией, и общественная система с идеологией, и личностные ориентиры в многовекторном поле современности, и, без сомнения, мода. Вопреки всем эффектам глобализации, без счета рассеянным по поверхности жизни, и сегодня все еще ощутима разница между странами в манере одеваться. Хотя различий здесь становится все меньше, а черты внутринациональной общности все тоньше. Но некоторые границы на территории одежды продолжают функционировать. Работает, например, граница, которая делит территории "после социализма?" от западных. Оно и не удивительно. Практически весь опыт одежды по разные стороны этой границы всегда отличался на всех уровнях, начиная с ее производства и заканчивая покупкой и отношением к вещам в процессе носки. Как легко всегда считывались советские туристы за границей, так и иностранцы в нашей стране всегда и безошибочно угадывались. Практика одежды говорила сама за себя. Вполне очевидно, что за этой, с виду обыденной, темой одежды просматривается куда более глубокая проблематика – это и стратегия презентации человека в социуме, и статус тела в системе социальных отношений, и проблема семиотических кодов в одежде, а вслед за ней – в публичных местах.

Сегодня соцлагеря больше не существует, Европа объединяется, государственные границы, там, где они сохранили свои функции, все чаще пересекаются в обоих направлениях. Однако разный опыт одежды в жизни людей продолжает сказываться. Он тем более очевиден в Беларуси, где и иностранцев меньше, и выезжают за границу наши люди реже. Все это способствует герметизации прошлого опыта в границах отдельного общества и продлению, пока на неопределенный срок, его полномочий.

Одним из следствий этой белорусской специфики является удивление, которое неизменно вызывает у иностранцев облик людей на белорусских улицах. Удивление это является настолько постоянной формой реакции на знакомство с нашей реальностью, что невольно возникает подозрение, что, мы имеем дело с неким особым эффектом, который возникает при попадании чужого взгляда на этот "верхний" слой нашей повседневности и который не просматривается нашей собственной, домашней оптикой. Что именно здесь происходит можно попробовать понять, воспользовавшись на какое-то время этим чужим взглядом.

За границей слышаны о тяжелом наследии социализма, о сегодняшних экономических трудностях, о социальной неустроенности и низких доходах – всем том, что всегда отличало соцлагерь от запада, а сегодня разнит Беларусь от других постсоветских стран. Приезжая сюда, иностранцы ожидают увидеть картину, релевантную этому знанию, внушительно поддерживаемую статистикой и аналитическими материалами на страницах нашей и западной прессы. Они, к примеру, могут знать, что согласно данным Министерства статистики и анализа, летом 2002 года средняя зарплата в Беларуси составляла 183.735 рублей.¹ И никому не кажется удивительным, что, по результатам опроса в январе 2003 года, 51% респондентов признали, что вынуждены отказывать себе в самых необходимых вещах, что 61 % часто не могли позволить себе приобретение одежды, 44 % отказывались от медикаментов. И только 30% редко не могли позволить себе покупку одежды, и всего 9 % никогда не испытывали подобных затруднений.²

Однако содержание наших улиц никак не поддерживает этой картины, скорее напротив, ей видимо противоречит. Определение своих впечатлений люди из разных стран выражают по-разному. От "как хорошо белорусские женщины одеты?", "как много "женственности" в облике белорусских женщин, что давно утеряно на западе?", до "как вульгарно и вызывающе пользуются косметикой ваши женщины?", "у нас мини-юбки в сочетании с высоким каблучком – первый признак женщины легкого поведения, а здесь...?". В каждом из этих разных, а то и противоположных по интонации отзывах легко обнаружить следы одного и того же синдрома – некой очевидной неадекватности, которая ставит в тупик непосвященного в нашу реальность иностранца. Следует заметить, впрочем, что неадекватность эта имеет и обратную сторону – те, кто основательно слит с нашими нравами, приезжая из-за границы, также привозят подобные впечатления о "странности" внешнего вида людей на их улицах. О слишком просто и безыскусно одетых женщинах, об отсутствии у них интереса к моде, косметике, украшениям и т.д.

Очевидное противоречие между реальным положением дел в стране, данными статистики, содержимым витрин белорусских магазинов и обликом людей становится главным источником удивления иностранцев. "Аранжировка?", выбираемая людьми для появления в публичных местах

– в магазинах, на почте, детских садиках – входит в конфликт с укрытой за этим видом реальностью. Попросту говоря, количество шуб из натурального меха на белорусских улицах не укладывается в рамки финансовых ограничений, которыми опоясана белорусская действительность собственной экономической системой.

Облик людей упрямо создает впечатление о стране, как во многих отношениях процветающей. Но есть и другой аспект неадекватности, с которой имеют дело попавшие к нам иностранцы – это своеобразная стилистическая деконструкция, которую совершают наши женщины над одеждой в своей повседневности. Для своих обыденных занятий они зачастую выбирают те стилистические обороты, которые отрицают собой обыденность: тут и обувь на высоком каблуке, и платья а la вечерние, и украшения, и интенсивный макияж. Такой стилистический тренд на Западе как правило, служит сигнификатором "особого случая?", по которому он используется. Здесь же, с удивлением обнаруживают иностранцы, такой облик может быть предназначен для простого выхода на улицу. Никому у нас не кажется странным вид молодой женщины одетой странно, почти как на вечерний прием, делающей покупки в ближайшем универсаме. Это производит сильное впечатление на иностранцев, в сознании которых существует строго ранжированное представление об одежде, в котором все, даже небрежность занимает специально отведенное место.

Подобное затирание границ и функций, закрепленных за различными предметами туалета, в облике людей на белорусских улицах, становится своеобразной маскировкой социальной правды. Вполне очевидно, что создание такого "примечательного" облика, который сопровождает наших людей в публичных местах, требует от них специальных усилий. Ситуация чем-то напоминает косметическую операцию на тканях повседневности, в результате которой, каждый человек начинает казаться то ли кем-то другим, то ли собой, но не на своем месте. А улицы, заполненные хорошо одетыми людьми, начинают восприниматься как особый психо-социальный феномен здешней жизни.

Общий смысл подобного облика можно определить – и именно так он и прочитывается иностранцами – как перформативная декларация процветания и достатка, успешная социальной судьбы и недостижимого (быть может, в реальности) богатства. Все вместе кажутся скрытыми за коллективной маской, на которую нанесен слишком толстый слой избыточной репрезентации. И если согласиться с утверждением социолога Финна Коллинза, что "одежда создает комментарии к текущим социальным событиям, усиливая и развивая отличительные черты социальной жизни"³ то и этот символический камуфляж на белорусских улицах можно прочесть как своеобразным комментарий к действительности. Ясно, что "элегантные одежды" в белорусских публичных местах не имеют никакой прямой семиотической коннотации. За логикой простого прикрытия правды жизни одеждой можно обнаружить сложную систему взаимодействий между разными сторонами социальной коммуникации. Заметим, что отдельные элементы стилей одежды, используемых белорусскими женщинами, не являются продуктами собственно белорусской реальности и являются артефактами совершенно иного символического порядка. И потому то, что мы наблюдаем, не является созданием чего-то качественно нового из ничего, но достигается путем трансформации и реорганизации элементов, заимствованных и принесенных в новый контекст. Элементы

существующих стилей инсталлируются в новую конфигурацию публичного пространства. То, как и почему это происходит можно попробовать разобраться.

Ни для кого не секрет, что в социалистическом прошлом ценность одежды формировалась посредством идей практичности и функциональности. Фактически, в определении облика людей тогда преобладала простая логика необходимости, и даже нужды. Кроме того, любое особое внимание к одежде, выделяющийся внешний вид, случавшийся некоторым, мгновенно вводил своего обладателя в "системный конфликт" с правящим принципом, по которому все возможные различия в обществе должны были быть стерты. Идея тотального социального равенства, провозглашенная официальной риторикой, оборачивалась принципиальной гомогенностью поля символической репрезентации, сформированной социалистической идеологией. Она запрещала любую видимую демонстрацию своего "отличия" в социальной жизни и публичных местах. К этому идеологическому портрету можно добавить памятное всем превосходство общественных интересов над личными. Всякий гипотетический интерес к одежде безоговорочно интерпретировался как намеренная экспозиция "личного", чего не предполагал общий дизайн социального пространства. Естественно, что различия между слоями в обществе существовали, и они также естественно сопровождались разнообразием стилей публичной себя-презентации. Но, поскольку это никак не было отражено в идеологии социальной системы, различия эти не сложились в прозрачный "язык" одежды, оставаясь на уровне спонтанных и стихийных экспрессий. Ситуация начала меняться в эпоху позднего социализма, когда отдельные вещи – атрибуты западного стандарта жизни – стали проникать в социалистическое общество, нанося особые метки на визуальной монотонности социалистической реальности. Однако и эти отдельные предметы, изолированные от своего оригинального символического и социального контекста не были способны сформулировать сколько-нибудь релевантное "сообщение" на своем языке. То, что они собой сообщали, сводилось, в сущности, к извещению о своем западном происхождении и этим ограничивалось. Вдобавок, эти вещи с запада, как правило, появлялись "на людях" через посредство черного рынка, который являлся чем-то вроде параллельной культуры. Он сосуществовал с официальной сферой, никогда с ней не смешивался и не имел на нее особенного влияния. В сущности, ограниченные рамками "культуры черного рынка", эти вещи с запада не были способны ни "сдвинуть", ни расшатать идеологическую конструкцию, которая, по выражению политолога Алексея Юрчака, функционировала как гегемония репрезентации.⁴ В своей статье "Циничные причины позднего социализма" Юрчак писал, что в тот период идеологические послания были элементами всеобъемлющей господствующей репрезентации, и хотя они уже давно перестали пониматься буквально, но по-прежнему воспринимались как неизбежные и вездесущие. Этот бесспорный характер действующих законов социального мира был вписан в личный опыт советских граждан. Они отдавали себе отчет в полном контроле власти над всеми механизмами репрезентации. В этой ситуации официальная реальность носила абсолютный и "неотменимый" характер не потому, что считалась истинной, и не потому даже, что люди боялись ей что-либо противопоставить, но именно потому, что никакой другой формы публичной репрезентации реальности в официальной сфере не было, и появиться не могло. Система эта полностью охватывала такие сферы жизни как одежда, квартиры, мебель, никогда еще не оказывалась

под знаком сомнения на уровне идеологии. Поэтому и те отдельные элементы западной одежды, попадая в советское общество, оказывались в роли всего лишь чуждых, хотя и привлекательных, нарушителей идеологическим границ.

Для социалистического устройства общественной системы была очень важна граница, проходившая точно по линии соприкосновения одежд с человеческим телом: по разные стороны этой границы находились территории, подконтрольные разным инстанциям. Одежда была целиком подвластна идеологии, в то время как тело являлось агентом приватной, личной жизни (не как у МакЛюэна, для которого одежда – продолжение кожи).

Из этой краткой предыстории белорусской современности ясно, что существовавший долгие годы на этой территории идеологический массив сделал невозможным возникновение собственных сколько-нибудь внятных семиотических кодов одежды, сравнимых с теми, что развились в западных странах. Не было также и резкого перехода в другую социальную систему как в странах Восточной и Центральной Европы, при котором произошла также полная замена идеологии и практики одежды. Вместе с фирменными бутиками известных мировых производителей на улицы Праги, Будапешта, Варшавы пришли новые формы социальной репрезентации, строго ранжированные по стилю, статусу, месту. Ничего подобного не было в Беларуси. В результате постепенного и стихийного появления в нашей одежде идеологических добавок и примесей с запада, чаще всего опосредованных третьими странами, возникла новая конфигурация этого семиотического пространства, в котором можно обнаружить обрывки различных стилей, наборы составленные из фрагментов чужого языка одежды, символов, взятых из других систем и контекстов. Вместе с "предметами туалета" естественно транслируются и символические значения, но они уже совсем иначе функционируют в новом контексте. Соответственно, и для расшифровки таких текстов нужна особая грамматика, которая учитывала бы этот трансфер значений и строилась бы на перекрестном взаимодействии оригинального символического порядка и той области "белорусского реального?", куда они переместились. Можно сказать, что то, что открывается взгляду на белорусских улицах – это своеобразная игра предметами туалета, которая разворачивается не на одном, а сразу на нескольких символических полях, и это состояние междуцарствия дресс-кодов в белорусских публичных местах и становится источником непонимания, неадекватной интерпретации их содержаний. Иностранцы – новобранцы нашей повседневности оказываются просто не в состоянии справиться с сообщением, которое транслитерировано в новый контекст без учета старых значений.

О том, что аранжировка своего появления в публичном месте является своеобразным социальным действием социологами сказано давно. В этом даже самые ярые антагонисты были согласны – от структуралистов и конструктивистов, ставящих на объективное содержание в нашем поведении, до философов субъекта, усматривающих во всем идущую из глубин субъективности спонтанность. Однако ни те, ни другие не могли избежать каждый своей крайности в воспроизведении логики, которая руководит социальным поведением человека и его манерой одеваться. Той самой логики, которая актуализируется, когда человек подходит к своему гардеробу и выбирает, в чем сегодня показаться на людях. Чтобы избежать крайностей и вывести синтетическую формулу, которая

содержала бы одновременно и "следование объективным социальным правилам? и трудновыразимый элемент внутреннего субъективного понимания французский социолог Бурдьё ввел в социальную теорию понятие "habitus". "Habitus" был для него категорией, способной внести стратегическое равновесие в описание человеческих действий в социальном пространстве. "Habitus" – это система диспозиций, которая включает в себя реальный принцип, скрытый в стратегии практический смысл, то, что спортсмены называют чувством игры, эдакое практическое владение логикой и не подконтрольное сознанию и дискурсу.⁵

Понятие habitus охватывает сеть ключевых явлений, которые позволяет объяснить – чувство формы, стиля, вкуса. Так и в поведении человека, который занят сегрегацией массы производимой сегодня одежды, чтобы создать, в результате, свой собственный индивидуальный облик, действует, несомненно, habitus. В данном случае это "практическое знание? имеет дело со значениями языка и конвенциями, сложившимися в обществе по поводу одежды. Этот язык напрямую "связан с семантическим полем культуры, которое и порождает определенные понятия – "эlegantности?", "формальности?", "будничности?", "романтичности? и т.д. С этой точки зрения, манипуляция своим внешним обликом, которую люди совершают с помощью одежды, позволяет легко обнаружить связь вновь сформулированного через одежду послания с идеологическими рамками общего культурного поля. Формулировка специального послания – в том числе с помощью одежды и внешнего облика – с необходимостью связана с определенным релевантным семантическим контекстом, который собственно и делает послание доступным чтению и дешифровке. Лишенные своего контекста, значения – предметы туалета – приобретают семиотическую самостоятельность, за которым может последовать либо полный знаковый распад дресс-кода, либо возникновение нового языка, никак не связанного с семиотическим прошлым. Эту зависимость подтверждают примеры манипуляции одеждой, которые можно обнаружить в молодежных субкультурах послевоенной Британии. Наиболее известными среди них были группы Тедди-boys и Mods.

Свои "социальные программы? участники этих движений реализовывали посредством внешнего облика – через специфическое использование стилей, отдельных предметов туалета. Именно в специально сформированный "внешний вид? они вкладывали суть своих общественных акций. Так, Тедди-boys заимствовали у высших слоев так называемый "Эдвардианский облик? и из отдельных его элементов создавали собственные комбинации. Естественно, что, выбирая среди различных предметов туалета, они, по сути, не интересовались одеждой как таковой, но теми социально-символические коннотациями, которые за ними стояли. Надевая вещи, которые традиционно носились аристократическими денди, они как бы приобретали новый визуально-социальный статус. И тратили на это зачастую все свои средства: большинство представителей Teddy boy's принадлежали к около люмпеновским, т.е. бедным слоям общества. Они формировали свой внешний облик, заимствуя отдельные детали из чужого словаря одежды, и перерабатывали их в собственный, лишь им свойственный стиль."⁶

В другую группу – Модс – входили в основном лондонские подростки из рабочей среды, которые также стремились оформить и представить социуму свою идентичность с помощью характерных причесок и стиля

одежды. "Они буквально посвящали себя одежде..., при этом создавали особые комбинации из разрозненных элементов и превращали свой облик в метафору?⁷ – писал английский социолог Dick Hebdige. В сущности, они совершали инверсию ценностей, которые до них ассоциировались с хорошей одеждой – с определенной формой галстуков, покроем и материалом брюк, цветами рубашек. Так они бросали вызов основам, на которых эти ценности держались. "Их идея заключалась в том, чтобы обмануть ожидания, совершить подмену того содержания, которое обычно стояло за подобным внешним обликом?⁸ .

Эти своеобразные бриколажи ("bricoleur?..) которые британская молодежь создавала в одежде, и идея, которую они выражали, могли существовать только при наличии основополагающей формы дискурса моды, которая служила семантическим полем и идеологическими рамками для подобных действий. Другими словами, чтобы быть осмысленными и адекватно понятыми окружением, идеи мальчиков Тедди и Модс нуждались в символической поддержке. Такой поддержкой служила общая социальная и символическая среда со свойственным ей дискурсом, в котором предметы туалета, аксессуары не просто существовали, но и несли четкие ясные значения, организованные в систему. Причем система эта должна была быть настолько устойчивой, чтобы любое заимствование, перемещение ее элементов в другой контекст оставляло за собой отчетливый знаковый след, позволяло проследить траекторию – она содержала информацию об оригинальных потребителях, для которых предметы производились. Эта информация входила в состав нового содержания, возникшего после апроприации.

В подобных семиотических акциях, совершенных на территории одежды, поведение британских подростков было строго позиционировано относительно тех, кто был оригинальным носителем и их стилистических источников, относительно общей системы значений одежды и социальных отношений. Можно сказать, что проблема позиционирования является определяющей для адекватного понимания идей, выраженных в любых социальных действиях, в том числе связанных с манипуляцией одеждой. И именно она может помочь разобраться в значении стихийных бриколажей на белорусских улицах. В хаотичном, часто предельно экспрессивном и упрощенном отношении к стилю во внешнем облике, который мы здесь обнаруживаем, легко заметить фактическое безразличие всех этих мужчин и женщин к языку одежды как таковой. Предметы туалета, аксессуары, косметика служат инструментарием, отсылающим, как и в британских субкультурах, к социальным отношениям. Только здесь эти отношения затронуты в другом измерении, что само по себе не удивительно, так как советский социалистический опыт проблематизирует совсем другие аспекты социальной жизни. Одежда для советских людей находилась под знаком проблематизации личной свободы, на границе между общественным и частным. Она же была одним из наиболее доступных путей ухода из-под контроля идеологии. Можно предположить, что именно в этой сфере позиционируется то содержание, которое несет внешний облик людей на белорусских улицах. В нем происходит своеобразная реорганизация отношений между телом и политикой его публичного предъявления, фактически – революция в отдельно взятой сфере социальной жизни. Так как если бы одежда стала первым отвоеванным у власти бастионом.

Еще в недалеком прошлом социальный опыт этих людей держался на фундаментальном дефиците собственности. До минимума была сведена

практика владения, которую можно рассматривать как одну из основных форм расширения пространства человеческой компетенции, формирующей внешние векторы его озабоченности, интереса и личностной включенности. В сущности, недостаток позитивного опыта собственности был характерной чертой всей мифологии повседневной и социальной жизни того строя. Тогда, именно человеческой тело служило оплотом человеческой приватности, было символом той границы, за которую не "простиралась" господствующая в обществе власть. Этот приватный статус тела не экспонировался, но и не слишком отрицался идеологией.

С тех пор многое изменилось. И хотя в Беларуси не было социально-системных переворотов, изменения затронули отдельные сферы общественной жизни, среди них – одежду. Отмена униформы для детей в общеобразовательных школах была одним из знаков такого символического освобождения. Но тот прошлый опыт, как ни странно, и сегодня формирует поведение белорусов и белорусок.

В сущности, их современный внешний облик не говорит о богатстве или бедности, о благополучии или его недостатке. Он является своеобразной декларацией – видимой, явной, иногда неоправданно крикливой – собственного, личного статуса безраздельно принадлежащего им тела. Одежда соответственно, является основным языком, используя который люди открыто и публично заявляют об этом праве. Тело предьявляется социуму как только и исключительно свое, как видимый символ "себя?", как территория, где "делаю что, хочу?", вместо того чтобы быть, как раньше, физической материей, скрытой за шорами социальных идеологизмов.

На первый взгляд, такое публичное поведение белорусов кажется предельно антисоциалистическим. Акцент на личном и индивидуальном, поставленный у всех на виду, новая практика завышенной демонстративной заботы о теле посредством одежды и его экспонирование в общественных местах являются как бы ответом на прошлые и еще не совсем забытые запреты. Таким образом, та территория, некогда очерченная и полностью подконтрольная социальной системе репрезентации, оказывается в прошлом. Однако в действительности, эффект, который достигается таким поведением и одеждой, в сущности, прямо противоположный: они демонстрируют историческую живучесть бывшего социалистического *habitus*-а.

Habitus может пониматься не как простая ассимиляция внешних правил в процессе участия в социальной жизни, но и как внутренняя инкалькюляция соответствующих диспозиций. Как таковая, включенность в общий культурный и социальный порядок достигается через вхождение во множество частных доминантно-подчиненных соотношений, которые он задает. Одна из таких диспозиций социального пространства в эпоху социализма затрагивала отношения между частной и публичной сферами. Человеческое тело в этой схеме обозначало собой границу приватности. И то, что мы наблюдаем сегодня в белорусских публичных местах – не претворение ли это в жизнь той старой знакомой социалистической диспозиции частного и общественного, которая, как видим, сохранилась и по-прежнему определяет социальное поведение людей. Кажется, что они революционно переменялись, начав надевать на себя то слишком привлекательную, то откровенно вызывающую одежду. Но за таким видимым бунтом просматривается старый добрый человеческий *habitus*

эпохи социализма, не исчезнувший из глубин психологии социального субъекта. И в полном соответствии с ним, люди по прежнему остаются во власти старой идеологемы, говорящей им о том, что тело – единственное "личное дело" в человеческой жизни, оно же – граница, которая очерчивает рамки "приватного" на общественной, подконтрольной всем властям, территории. Нелли Бекус
Вена, 2003

- ¹ Звезда N149, 26 of June 2002.
- ² По материалам Информационного агентства Белаяпан , Беларусь сегодня от 24.02.2003.
- ³ Finn Collin Social Reality London and New York Routledge, 1997. p. 171.
- ⁴ Понятие "гегемонии репрезентации" было использовано для описания особой идеологической конструкции позднего социализма Jean and John Comaroff в работе "Of Revelation and Revolution" Vol.1 Chicago: University of Chicago press. 1991.
- ⁵ P. Bourdieu "Outline of a Theory of Practice" Cambridge: Cambridge University press, 1977. p.76–77.
- ⁶ Tony Jefferson Cultural Responses of the Teds. In "Resistance through the Ritual London 1975 (First publication). Ed. by Stuart Hall & Tony Jefferson. p. 81.
- ⁷ ibid. p. 94
- ⁸ ibid. p. 88

Published 2004–05–26
Original in Belarusian
Contribution by Arche
(c) Eurozine
(c) Arche